

ПЬЕСЫ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

«1945 год»

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ПЛЕННИКИ

ОЛЕНЬ И ШАЛАШОВКА

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

КОМЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БЕРБЕНЧУК, подполковник, командир отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона.

ВАНИН, майор, заместитель командира дивизиона по политчасти.

ДОБРОХОТОВ-МАЙКОВ, капитан, начальник штаба.

НЕРЖИН, капитан, командир батареи звуковой разведки.

ЛИХАРЁВ, капитан, командир батареи топографической разведки.

ГРИДНЕВ, старший лейтенант, уполномоченный контрразведки СМЕРШ.

АНЕЧКА, капитан медицинской службы, врач дивизиона, фронтовая жена Ванина.

ГЛАФИРА, жена Бербенчука.

ГАЛИНА.

ПРОКОПОВИЧ, техник-лейтенант.

ПАРТОРГ ДИВИЗИОНА, «освобождённый».

НАЧХИМ ДИВИЗИОНА.

ЯЧМЕННИКОВ, лейтенант, командир взвода в батарее Нержина.

КАТЯ

ОЛЯ

девушки из соседней части.

САЛИЙ (Салиев)

ЗАМАЛИЙ

(Замалиев)

два неразличимых красноармейца-татарина.

ПОВАР дивизиона.

Сержанты и красноармейцы при штабе.

Действие происходит 25 января 1945 года в Восточной Пруссии.

Декорации всех четырёх актов безменны: это — зал старинного замка. В правой стене — несколько окон, задёрнутых шторами, перед ними — рояль, круглый столик с креслами. В задней — высокая парадная двустворчатая дверь, есть и другие, обычные. Надо всем — галерея военных предков, ещё выше — хоры. У левой стены — рация радиста на маленьком столике, мелочь мебели, ближе — радиола, ещё ближе — лестница наверх. Над сценою свешивается парадная, но не светящая люстра. Когда есть ток — горят несколько сильных электрических лампочек, наплетенных на люстру времяжкой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене — полная темнота, только слева — красный глазок рации. Слышен в глубине звонкий командный голос.

Майков

Держи, держи, ребята, не удай!
Там, наверху, с канатом!

Голос

(сверху из глубины)
Есть с канатом!

Майков

Не ронь!

Салий! Огня сюда давай!
Какой там есть, зови сюда огонь!

(Тише.)

Вопросов нет? Спокойненько.

Сейчас его мы кантом, кантом.
Эй, Замалий, ты где тут?

Голос

Я!

Майков

За техник-лейтенантом

Бегом!

Из задних дверей, с лестницы и на хорах одновременно появляются разрозненные колеблющиеся огни — факелы, свечи в канделябрах и без них, керосиновые лампы, фонари, все они в движении. Из темноты постепенно проступает происходящее: огромное пристенное зеркало нескольких метров в высоту, отражающее на зрителя огни, валится набок. Его поддерживают красноармейцы: снизу — руками, палками, сверху —

верёвками. За правым столиком впереди — две женские фигуры.

Голос Майкова

Сюда! Светильники! И факелы! И свечи!

Эй, наверху!

Голос

(с хор)

Есть наверху!

Майков

Легонечко трави!

Поддерживай, поддерживай! на плечи!

Подхватывай! подхватывай! лови!

Зеркало всё более и наконец вовсе валится набок, оставаясь лицевой поверхностью к зрителю. Поставили на ребро. Передышка. Отвязывают верёвки.

Пор-рядочек армейский. Так. Ну, подняли! На тумбы!

Зеркало поднимают ребром на приготовленные тумбы.

Голос Галины

Зачем вам зеркало?

Майков

Яйцо Колумба!

Простая мысль. Не скрою — ради

Оригинальности отчасти,

Сегодня — праздник в нашей части,

Обширный ужин при параде,

А в этом зале нет стола — или упёрли кто.

Вспыхивает яркий электрический свет на люстре. После этого все огни гасятся, уносятся, кроме забытых двух-трёх свечей. Виден десяток хлопочущих красноармейцев, которые потом постепенно тоже уйдут. Доброхотов-Майков, стройный невысокий светлосый офицер отменной выправки, со многими орденами, иногда без надобности позванивающий шпорами. За столом справа — «карманная» Анечка в военной форме и Галина, одетая строго, с преобладанием чёрного. Радист согнулся у рации. Зеркало блещет в зрительный зал.

(Примерившись.)

Не низко?..

(Картинно облакачивается о подзеркальник с точёными ножками, торчащий теперь вперёд.)

По вдохновению, Галина Павловна! Как пианистка,
Вы знаете — его не охватить логическим умом...

(Жест солдатам класть зеркало плашмя, зеркальной поверхностью вверх.)

...Вот так, чтоб люстра над стеклом...

Оно приходит к нам негаданно, необоримо, грозиво! —

Как Суриков — ворону с поднятым крылом

Увидел на снегу — боярыня Морозова!

А ну-ка, Дягилев, вот эту вот приставочку — долой.

(Отходит, распоряжаясь.)

Пожилой красноармеец Дягилев любовно щупает
подзеркальник, который ему приказано отбить.

Анечка

Моложе я его. Двенадцатью годами.

Дягилев

Тут, видишь, надо'ть с головой...

Анечка

И может, к лучшему, что разница такая между нами?

Дягилев

Она, вишь, на шипах да на клею...

Радист

Приём, приём.

Майков

Черта тут думать? — топором!

Быстро входит Старшина, подчёркнуто приветствует Майкова, за ним — Прокопович. В сугубо гражданской унылой позе он долго потом стоит на заднем плане, как бы не замечаемый Майковым.

Что скажешь, старшина?

Старшина

Я — насчёт скатерти...

Майков

Концертный «Беккер»...

И мрачность готики... и скатерть белая... не стиль!

Без скатерти! Командуй: пятый «Студебекер»

Сюда, на зеркало, перенести!

Старшина козыряет.

Галина

С подругой детства, за романами романы осушая,
А в сущности, всё повесть грустную о том,
Что охлажденья не минёт любовь мужская...

Дягилев

(всё так же робко примеряясь к подзеркальнику)
Сказали — чем, товарищ капитан?

Майков

Сказал я: то-по-ром!

Дягилев осторожно постукивает обухом.

Анечка

...Да?

Галина

Да.

Что если это неминуемая беда,
Так нет спокойней мужа пожилого,
Уж не изменит он, ни-ни.

Майков

(отстраняя Дягилева)
А ну-ка, Бурлов, шибани!

Другой красноармеец плюёт на ладони, берёт топор и в два удара с треском отваливает подзеркальник. Анечка затыкает уши. Из коридора бойцы начинают носить угощения, которые тут же, под руководством Майкова и Старшины, раскладываются, наливаются и насыпаются в вазы, графины, на блюда, на тарелки, ставятся в банках стеклянных и металлических. Несут в изобилии и пустую посуду, фарфоровую, серебряную, хрустальную, цветы. Обширный «стол» до отказа заставляется кушаньями и винами. Солдаты вышколены и чётки до циркового предела. Майков распоряжается театральными жестами.

Интересуюсь, Прокопович,
Вы — офицер или попович?
Что вы пришли?

Прокопович

(собираясь уйти)

Простите, мне сказали,
Что будто бы меня вы вызывали.

Майков

Не будто бы, а вызывал.

А вы пришли и жмётесь, как мешок.
В чём дело? Света не было. Опять стоял движок?
Небось, искра?

Прокопович

(сокрушённо)

Искра...

Майков

Не может штаб работать в темноте!
За-пом-ни-те!
Сегодня свет не должен здесь ни на минуту гаснуть!
Вам — ясно?

Прокопович

(отптываясь)

Но в функции мои, коль рассуждать формально...

Майков

(трагическим шёпотом)

Как вы сказали? — *Рассуждать?* Печально.
А тысячёнка в месяц — как? А дополнительный паёк?
Да на *гражданке* б вас заездили, как чёрта,
За это маслице. Вы разве на войне? — вы на курорте!
И кто на радиоле мне исправит рычажок?
Кто вообще пойдёт, за грубость извините мне, телегу-с?
Быть может, абиссинский негус?

Галина

Но, Анечка, но эти фрукты, вина...
Вы — часто так?

Анечка

О нет, сегодня — именины!

Майков

И без того я вам смягчил муштровки школу.
Садитесь и чините. Радиолу.

В дальнейшем Прокопович осматривает неисправность, уходит, возвращается с отвёрткой, паяльником, радиодетальями, садится чинить.

Анечка

Конечно, вы сегодня за столом у нас.
С комдивом и женой комдива познакомились.
А про меня подумали: вот в голове ничуть?
С порога вздумала так откровенничать!

Галина

Да что вы!

Анечка

Я ни с кем! Всё средь мужчин, всё жизнь кочевная,
Общенья женского мне так не доставало.
Придёте!

Галина

Неудобно...

Анечка

Слышать не хочу.

Майков

*(услышав обрывки их разговора, продолжая
распоряжаться)*

И будете царевною
Штабного бала!
Польстил бы я старицею,
Что будете царицею,
Но, сами понимаете, — масштаб —
Дивизионный штаб...

Анечка

Уйди! Привычка — вмешиваться в женский разговор.

Майков

У-шёл!

Анечка

Вот, собственно, и весь народ.
Ещё начхем — но это вздор,
А звукотехник — он не в счёт.
Ещё узнаете парторга —
Не испытаете восторга.
Ещё должны быть два комбата,
Но оба славные ребята,
Да вот один...

Из коридора проходит, слегка прифокстрочивая, к радиоле Лихарёв. У него тоже шпоры и отличная строевая выправка.

Лихарёв

(напевает)

Эс гзет аллес форюбер, эс гзет аллес форбай,
Унд нах йедем децембер комт видер айн май...

Майков

Дитя моё, по скользкой ты идёшь тропинке.

Лихарёв

Я отберу пока пластинки?

(Отбирает.)

Майков

Забыл ты край родной, забыл родной Прованс.

Лихарёв

Живу, пока имею шанс.

Майков

В трудах войны не ты ль, Иван,
Все эти годы был и дран,
И потен был, и был почти в лаптях?

Лихарёв

(оципываясь)

Как кителёк, товарищ капитан, —
Не узок мне в плечах?

*(Отбирает пластинки; взяв пачку, удаляется,
пританцовывая и косясь на Галину.)*

Эс гзет аллес форюбер, эс гзет аллес форбай,
Унд нах йедем децембер...

Анечка

А я боюсь одеться пышно.

Одна пестриночка — и та уж кажется излишней
На платъи на моём. И как это ни горько — Примерю
что-нибудь, а лезу в гимнастёрку. Я до войны
и в институте одевалась девочкой.
Жаль, что теперь нельзя.

Галина

Как так — одеться не во что?

В каком хотите роде,

Сегодня здесь, в хозяйском гардеробе...

Зайдёте в комнату ко мне.

Анечка

Спасибо, милая, найду,

Но не найдёте вы...

Галина

Найду!

Не знала прежде я сама,

У венка набралась ума.

Радист

Рязань, Рязань! Всё понял. Кострома.

Приём.

Майков

Когда ж ты позывные сменишь, косопузый?

Радист

(трясёт бумажкой)

Да вот они! Да не довыкну я до этих до... Флоренций...

Майков

И скифы мы, и азиаты мы, —

а, поглядишь, шарахнули французов.

Напёрли немцы — шуганули немцев.

А?! Прокопович? Как вы в рассуждении славян?

Прокопович

Я — занят, видите, товарищ капитан?

Майков

Ч-чёрт, потрепаться не с кем.

Анечка

И хочу заранее

Предупредить вас — не зовите меня Анею, —

Лишь Анной Зотовной. Здесь армия, я — офицер...

Галина

Да-да, пожалуйста, к обычаям своим

кто ж не привержен...

Радист

(вскакивая)

Товарищ капитан! Вторая Бэ-Зэ-Эр

Снимается с порядков боевых, а Нержин

Здесь будет через час!

У Прокоповича радиола начинает работать. Музыка.

Майков

Да два часа приказ передавал?

Мотай отсюда удочки!

Радиост собирает рацию и уходит. Галина взволнована и пытается скрыть.

Галина

Простите, или я...

Я не дослышала? Как он назвал фамилию?

Фамилию — как он назвал?

Анечка

Какую? Нержин?

Галина

Да.

Анечка

Вы знаете его?

Галина

Нет! То есть... знала

Когда-то одного... А — Бэ-Зэ-Эр?

Анечка

Я б вам расшифровала,

Да ведь нельзя: секретный наш дивизион.

Галина

Откуда он?

Анечка

Кто?

Галина

Нержин.

Анечка

Из Ростова.

Галина

Тогда не он!

Анечка

А не земляк ли ваш?

Вы, помнится, сказали между словом...

Галина

Вам показалось.

Анечка

Да? Быть может.

(С порывом.)

А я... я не могу ничем помочь вам?

Что-то вас тревожит!

Весь вечер я смотрю на вас — вас угнетает что-то,

Какой-то страх, какая-то забота...

Галина

Вы с добрым сердцем родились. Спасибо вам за то.

Но здесь — помочь — не может мне никто.

Стол готов, хотя Майков ещё что-то переставляет. Снование солдат прекратилось. Прокопович ещё занят с радиолой. Музыка обрывается. Из коридора поспешно входит дородная Глафира. Руки у неё заняты: сверкающий чайник и что-то в полотенце.

Глафира

Кто это здесь? Ах, это вы, несчастная страдальца!

Вы — спасены, а сколько их, освобожденья

дожидаются,

Рабыни бедные! Я приняла вас к сердцу

ближе... ближе...

Я вся дрожу!

Анечка

Больна?

Глафира

Как я их ненавижу!

Да попадись мне фриц какой-нибудь обаполы,

Да я б ему глаза все расцарапала!

Такую девушку!.. Фашизм! Рабский рынок!

Прокопович

Вверх — станции ловить, а книзу — для пластинок.

Глафира

Начальник штаба! Накажи его!

Что свет всё время тухнет?

Майков жестом отпускает Прокоповича.

Ходила я, ходила я — зашла проверить кухню.
На полочке фарфоровые, беленькие, в ряд
Вот эти двадцать девять баночек стоят!
*(Высыпает их из полотенца и расставляет на круглом
столике.)*

В головках дырочки и надпись. Хоть не знаю языков,
Но полизала языком, —
Где перец, мак, желток, укроп,
Где тмин, ваниль, орех, корица, —
Я их конечно сразу — хоп! —

Вот это нам годится!

Но что я? Майков! Мне же некуда грузиться!
Потом ещё: совсем случайно
Узнала я, что этот чайник
Не прост! О фрау о своих подумал изверг Гитлер:
Поставь на печь и не смотри, кипит ли?

Он сам! — как закипит! —

Как засвистит!! —

А я услышала свисток — вот это нам годится!
Но что я, что я? — мне же некуда грузиться!

Изящный чайник!

Дюжину взяла бы!

Начальник!

Штаба!!.

Майков

Глафира Евдокимовна. Я очень уважаю вас.

И всю вашу семью.

Три пары битюгов. И две автомашины. Как хотите, —
В обоз ваш больше не даю.

Глафира

Комдив прикажет — и дадите!

Он мне даёт! Три пары битюгов!

Что ж, руки мне сложить в стране врагов?

Анечка

Ты, правда, странная какая-то, Глафира,
Не понимаешь, что порочишь командира
И часть.

Галина

Я, Анна Зотовна, к себе. Вас буду ждать я.

(Направляется к лестнице.)

Глафира

А что такое? что??

Анечка
Так, ничего.

Галина

Примерить платья...

Глафира

Кому примерить? Ей? Да бросьте, Галочка, всё впусте!

При Анечкином росте... Анечкином бюсте...

Походит и в военном. Понимает ведь майор.

А что? У вас большой набор?

Салиев — или Замалиев, их не различишь, — вбегает, запыхавшись, в правые двери, оставляя их распахнутыми.

Салиев

Комдив! С майором!

И с какой-то толстой старшим лейтенантом!

(Кивает в далеко видный теперь второй зал в глубине.)

Майков

(стремительно)

А ну-ка, фея!

Убрать трофеи!

Глафира поспешно собирает баночки в полотенце, схватывает чайник. Салиев исчезает. Галина замирает, застигнутая на первых ступеньках лестницы.

(Командует, как на параде полка, но с комическим оттенком.)

Все по места-а-ам!! На одного линейного дистан-ция!

(Идёт строевым шагом к роялю, открывает крышку.)

Марш, м-м-музыканты!!!

(Стоя играет «Турецкое рондо» Моцарта.)

По второму залу приближаются из глубины и под музыку входят: высокий представительный подполковник Бербенчук при многих орденах, румяный плотный майор Ванин и очень молодой Г р и д н е в, уже одутловатый старший лейтенант с лицом херувимчика.

(Обрывает музыку и со всею строгостью строя, голосом, рассчитанным на обширный плац, с тою же игрой.)

Товарищ подполковник! Разрешите доложить?!

Всё подготовлено к торжественному ужину!

Бербенчук торжественно принимает рапорт, делает жест
«вольно!», проходит вперёд, озирает зеркало.

Бербенчук
Роскошный стол... Скота
(выразительно)

не резали?

Майков

Оставил жить!

Бербенчук
И не обидели гражданских?

Майков
Таковых не обнаружено!

Бербенчук
(оглядываясь на Гриднева)
Ну что ж, я полагаю, угощение заслужено?

Гриднев
Как говорил Суворов, то, что с бою взято, —
То свято.

Бербенчук
Прекрасно сказано. И кстати очень.
Действительно, не взять добытое в бою как-то... обидно.
Прошу знакомиться: контрразведки СМЕРШ
уполномоченный! —
Начальник штаба!

Майков
Майков.

Гриднев

Гриднев.

Здороваются за руку. Майков тянет его вперёд и проходит на авансцену между Анечкой и Глафирой, которая застыла с полотенцем и чайником в руках.

Майков
Я оч-чень рад! Я оч-чень рад!

Гриднев

Чему так рады вы?

Майков

Что будет полный штат!

Вы можете поднять меня на смех,

Но в штатах, как в штанах, — не выношу прорех.

Уполномоченные СМЕРШ буквально есть у всех! —

За что же нет у нас?

И вот прислали вас!

Всех смершевцев — люблю! На ногу тесной дружбы!

И на передний край катнуть и выпить первача!

Теперь и я представлю — капитана медицинской службы

Григорьеву — дивизиона нашего врача.

Гриднев

Приятно познакомиться. Как говорят — змея вокруг чаши?

Анечка

Вы очень милою остротой начали знакомство наше.

Теряюсь только я:

Где чаша, где змея.

Чётко выстукивая каблуками, отходит к Ванину, знакомит его
с Галиной у начала лестницы.

Майков

(фамильярно толкая Гриднева в бок)

А звать тебя?

Гриднев

Владимир Николаич.

Майков

Вовка?

Держи, я — Сашка!

Гриднев

Не пойму!

Майков

Да что ты брянским волком?

Узнаешь! Я — такой! Есть? — мне не жалко, — на!

(Хлопает его по плечу.)

Пор-рядочек! Пойдёт у нас шикарно!

Бербенчук

Гм... Во-от... А это, значит... вот... моя жена

Со мною следует по разрешению штабарма.

Глафира

(высвобождая одну руку и протягивая её, как палку)

Глафира Бербенчук!

Гриднев

(сдержанно здороваясь с Глафирой, Бербенчуку)

Есть, говорите, разрешение?

Бербенчук

Да, да. Я специально подавал прошение.

Уж двадцать лет я в армии,

учения, походы, что ни говори...

Гриднев

Понятно. Только женщин я тут вижу три,

А у меня застряло в голове,

Что вы дорогою сказали — две?

Бербенчук

А третья... та...

Глафира

Рабыня. Вырвана из гитлеровских лап.

Майков

Хе-ге! Да ты, я вижу, больше насчёт баб!..

Гриднев

Послушайте! Вы как-то странно сразу начали на «ты».

Майков

Да милый, ради простоты!

Повеселиться, поделиться,

Душой измученной открыться, —

Не строевик же ты! — листать тебе уставные страницы —

«Товарищ капитан» да «разрешите обратиться»!

Галина

(Ванину)

Нет, нет, зовите просто Галей...

Глафира

(из глубины резко окликая Бербенчука, который направляется к группе у лестницы)

Евгений! К ужину умыться и одеться не пора ли?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru